

Их дом был тринадцатым в череде собратьев из заблокированной застройки. Нумерация шла подряд: четные и нечетные номера по одной и той же стороне. Это был поджарый викторианский дом белого цвета, с узкой парадной дверью и двойными окнами. Внутри, над тесной лестницей, имелось потолочное окно, сквозь которое в ясные ночи виднелись далекие звезды. Комнаты были светлые, хоть и маленькие, стены слегка скошены, дорожка к входной двери — коротенькая, ширина коридора не позволяла идти по нему вдвоем бок о бок.

Прежде дом принадлежал семейной, ныне разведенной паре и их дочери и с годами претерпел многочисленные переделки, которые производили впечатление нелепости, особенно в том, что касалось дверей. Кто-то захотел перенести ванную вниз, так что позади кухни сделали пристройку с плоской крышей, и наверху появилось место для третьей спальни. Кто-то другой решил, что гостиная отдельно от столовой выглядит как-то одиноко и убого, поэтому в период моды на открытую планировку разделяющую стену снесли, оставив под потолком широкую, как в церкви, арку. Алан, бывший муж Бриджит, предыдущей владелицы, решил (когда еще не стал бывшим), что двойные двери гораздо лучше будут отделять кухню от ванной, чем раздвижное нечто гармошкой, которое Бриджит попросила заменить по причине поломки. Алану хотелось, скажем, чудесным солнечным утром спуститься вниз в своем шелковом халате, прошествовать через кухню в ванную и, вместо того чтобы сражаться с очередной неуклюжей и неромантической пластмассовой штуковиной, одним движением распахнуть стильные белоснежные деревянные двери — дыша полной грудью, высоко подняв голову, с открытым сердцем,

полным готовности встретить еще один день в браке. Так что он отправился в магазин стройматериалов «Хоум-бейз», расположенный неподалеку в здании из стекла и металла. Хотя Алан терпеть не мог «Хоум-бейз», он упорно ходил между полками в поисках нужных материалов, а потом в течение месяца каждые выходные занимался дверьми. Он пилил и шкурил. Он подолгу сидел на корточках, так что начинали болеть ляжки. Он пропустил свидание с любовницей. Он повредил запястье. И вот, к вечеру четвертого воскресенья, в прелестных розоватых сумерках, работа была завершена. Двойные двери. Величественные, роскошные двойные двери, со вкусом проводящие границу между потреблением и пищеварением. Бриджит будет довольна. Их любовь вспыхнет с новой силой. Ему больше никогда не придется ночевать в машине. Однако, воплощая свою мечту, Алан не успел задуматься о том, что места для нее недостаточно. Дверей в небольшом проходе и так уже хватало. Так что распаивание новых деревянных створок вовсе не вызывало той гордости и воодушевления, как ему представлялось, а проход в них — той радости. Алан породил дверной ералаш, в котором его двери были самыми кривыми, из-за них по утрам на первом этаже возникали заторы, а пояс халата самым раздражающим образом цеплялся за латунные ручки. Бриджит не впечатлилась. Вскоре Алан съехал.

Мелисса познакомилась с Бриджит и ее дочерью, когда приехала в этот дом во второй раз, уже одна (поскольку сомневалась, у нее было какое-то «ощущение», как она объяснила Майклу, связанное не только с номером дома). Бриджит оказалась угрюмой брюнеткой в строгом костюме. Она совершенно неподвижно стояла у обеденного стола недалеко от лестницы, пока Мелисса задавала ей вопросы насчет мышей, соседей и воров. Лишь когда Мелисса собралась уходить, так и не заглянув во вторую спальню (Бриджит сказала, что там

спит ее дочь), хозяйка отошла от стола и направилась в коридор. Тут сверху донесся звук, словно бы шаги. Мелисса подняла взгляд, и на верхней лестничной площадке, прямо под потолочным окном, увидела девочку лет семи или восьми, в голубых пижамных штанах и желтом халатике. У нее была неестественно бледная кожа, особенно на руках. В соломенных волосах играли блики прохладного зимнего света, падавшего в потолочное окно.

— Лили, — сердито произнесла Бриджит, — тебе нельзя вставать с постели.

— Я не устала, — отозвалась девочка.

— Давай-ка иди обратно. Я через минутку приду.

Но Лили не шелохнулась. Бриджит повернулась, вспомнив о Мелиссе:

— Извините... моя дочка. Ей немного нездоровится.

— Немного нездоровится, — проговорила Лили с точно такой же интонацией. И стала спускаться по лестнице.

Она прихрамывала и чуть улыбалась — шкодливой, недоброй улыбкой. Бриджит попятилась. Добравшись до пятой ступеньки снизу, Лили уселась на нее и спросила Мелиссу:

— Что ли, вы та женщина, которая собирается наконец купить этот дом?

Несмотря на это, на «ощущение», на номер и все прочее, они его и правда купили. Высокие потолки, много света. Очаровательная раковина на кухне, квадратная и глубокая, убедительные полы с подогревом. Сад представлял собой просто мощный квадрат размером чуть больше почтовой марки, но им требовался дом, им требовалось два этажа, чтобы можно было смотреть сны наверху и спускаться вниз к завтраку и навстречу новому дню. Они занимались поисками больше года. Искали на севере — слишком дорого; искали на востоке (во мраке Уолтемстоу, среди тощих газонов Чингфорда), но лишь здесь, далеко-далеко на юге, на этой пологой

улице в Белл-Грин они смогли себе представить — и позволить — этот сон наверху, эти завтраки внизу, отдельную комнату для Риа, книжные полки в нишах, картины с птицами и танцорами на стенах, фотографии кумиров в коридоре, где было слишком много дверей и спатифиллум в свете сдвоенного окна.

И вот четыре месяца спустя вещи были выгружены из машины и высились пугающей горой на полу новой гостиной. Ламинат заменили лакированным дубовым паркетом цвета сливочного масла с вкраплениями свойственной этому дереву черноты. Стены отмыли концентрированным раствором соды, чтобы избавиться от следов кошки, принадлежавшей Бриджит. Остатки кошачьих токсинов выкинули вместе с синим ковром, покрывавшим лестницу. Его сменило покрытие цвета паприки, перекликавшегося с оттенком кафеля на кухне и в ванной. Спальню Риа, где раньше спала Лили, выкрасили в желтый. В этой же комнате потом будет жить и младенец, который покуда пинался и пинался, так что очертания его маленьких ступней проступали под кожей Мелиссы. А главная спальня, выходящая окнами на улицу, приобрела насыщенный, темный, сочный красный цвет: цвет неувядающей любви, цвет страсти. Все три окна прикрывали бамбуковые жалюзи. Танцующих в сумерках повесили на противоположную стену, а танзанийских птиц — возле лестницы. Огромная кровать из бутика в Камдене высилась посреди комнаты, словно гигантский массивный корабль. И вот в одну из ночей, когда все уже было сделано, гора вещей рассосалась и оставались лишь мелочи, которые и делают жилище настоящим домом (расставить безделушки, привинтить крючки для кухонных полотенец), Мелисса лежала на боку, словно выброшенная на берег прибоем, в своей черной хлопковой ночной рубашке, среди июльской жары, не в состоянии уснуть, и вдруг почувствовала, как огромная

и цепкая волна прокатывается вверх и вниз по ее телу, более цепкая и властная, чем все предыдущие: пара призрачных рук стиснула ей живот, словно хотела его куда-то швырнуть, и Мелисса широко распахнула свои беспокойные глаза и уставилась во тьму безмолвной ночи. Она оказалась на краю пропасти. Совсем одна. Срок настал.

В семье Мелиссы женщины рожали с радостной, стойкой готовностью и природной выдержкой. Ее мать произвела на свет трех девочек и мертворожденного мальчика в эпоху воплей, до массового распространения эпидуральной анестезии. Сестры Мелиссы, Кэрол и Адель, обошлись лишь самыми простыми обезболивающими, отказавшись загрязнять родовые пути лишними лекарствами. Они были «земными матерями», для которых дитя — рулевой, тело матери — корабль, а боль — море, красота, даяние, объятия вселенной, обними ее в ответ. Мелисса, как показало появление на свет Риа, не была земной матерью: после трех дней прекрасных объятий с болью младенца пришлось иссечь из чрева матери, словно шекспировского Макдуфа. На сей раз Мелисса твердо решила вообще не посещать этот дом ужасов, это жестокое море и сразу отправиться под нож, однако примерно на пятом месяце, занимаясь йогой для беременных, она задумалась, каково это — наблюдать за могучими движениями родовых путей, за опорожнением раздувшейся утробы, за прорезыванием маленькой головки. Любопытство все усиливалось, и в конце концов она объявила своей акушерке, что желает ВРПКС¹: термин, отсылающий к категории женщин, которым хватает ума попробовать вернуться к естественному способу через влагалище, рискуя разрывом кесарева рубца ради того лишь, чтобы испытать на себе, какова она — эта квинтэссенция женственности, апофеоз женского естества.

---

¹ ВРПКС – вагинальные роды после кесарева сечения.

Стоя на следующее утро в квадрате своего двора после еще одной призрачной цепкой волны, Мелисса постаралась припомнить все, что говорили земные матери, CD-диски для медитации, преподаватели на курсах по подготовке к родам, книга по йоге для беременных, которую подарила Кэрол, и позволила своим *ощущениям* — это была не боль, а *ощущения* — мягко вывести ее к дому ужасов, который ей не вполне удавалось воспринимать как благословенный безмятежный берег, приятную... *спокойную... прогулку... вдоль кромки... тихой воды*. Она покачивалась, тихонько постанывала, дышала в ритме того, что вот-вот случится, и каждое призрачное сжатие было негромкой песней, каждое вздымание и опадание — спуском и подъемом в тумане вместе с дыханием. Мелисса представляла себе этого беспомощного, безобидного маленького детеныша, которому тоже было очень страшно. Только вообразите, каково это (писала одна из земных матерей на вкладке к диску): быть этим крошечным созданием, плавать в обволакивающем тепле надежной темноты, — как вдруг воды начинают трепетать и содрогаться, и теперь тебе грозит колоссальный, тяжкий переход *в мир*, в шумный, суматошный, колючий *мир*. Разве вы не испугались бы? Разве не захотели бы остаться на месте, не сопротивлялись бы изо всех сил? Если мать и дитя едины в общем сознании, если между ними существует взаимопонимание и эмоциональная связь, то переход окажется легче, утверждала земная мать. И Мелисса старалась покрепче держать это в уме и в сердце: этот страх, эту дилемму беззащитного детеныша, — в то время как *ощущения* распространялись повсюду от невидимого центра, вниз по ногам, вокруг бедер, ошутимее всего по спине, где словно образовалась жесткая металлическая пластина. Мелисса постанывала и шумно дышала ртом. Она по-слоновьи шагала взад-вперед, слушая Джеба Лоя Николса, думая о приятных вещах, которые произойдут позже, например, как

она снова сможет заниматься зумбой или носить восьмой размер. План состоял в том, чтобы самостоятельно справиться с *ощущениями* в домашней обстановке, пока они не станут «слишком сложными», требуя участия врачей. Младенцам не нравятся больницы, утверждали земные матери. Там сплошь щипцы, вредный стресс и преждевременные вмешательства, так что подобных заведений следует избегать как можно дольше.

Но к обеду Мелисса уже считала, что больницы не так уж и плохи. Она явно уже на подходе, несколько сантиметров уже взяты, а какие ощущения! Майкл успел вернуться с работы и теперь бросал на нее робкие любящие взгляды, собирая сумки. Но он находился по другую сторону разлома: далекий друг, необходимый, но бесполезный. Оттуда, с той стороны, он видел ее величие, ее расцвет. Она была тот дом, где заключалось их будущее, она была дарительница жизни, могучая лавина. Он и боялся ее, и жалел одновременно.

— Напомни, чтобы я не садилась с тобой в машину, когда у меня в следующий раз начнутся схватки!

Майкл переезжал через «лежачих полицейских», словно пьяный. Он страшно нервничал, притом что терпеть не мог водить даже в спокойном состоянии. Мелисса поглубже отодвинула пассажирское сиденье: поднималась очередная волна. Она вцепилась в раму окна, за которым проносился веселый летний ветерок, выли дневные сирены Южного Лондона, где-то далеко позади маячили башни. Они добрались до Камберуэлла, припарковались на глухой улочке, потому что на больничной стоянке мест не было, и Мелисса, поддерживаемая под руку Майклом, поковыляла вперевалку в зловещее здание с зеркальными окнами и раздвижными дверями, и там врач-индианка с грустными глазами сообщила, что пора пройти в родильную палату. Они поднялись на лифте на четвертый этаж и уселись в приемной рядом

с еще двумя женщинами, сотрясаемыми лавиной. Странно, что приемные в такие моменты — всего лишь приемные, не больше: торговый автомат, журналы на столике, плакаты на темы домашнего насилия и кормления грудью, — что женщины в столь экстремальных обстоятельствах все сидят вместе и ждут в обычной комнате с неудобными креслами — четырехугольной, а не в форме матки.

— Я хочу домой, — сказала Мелисса.

— Мелисса Питт! — позвал кто-то.

Из коридора вышла женщина в голубой полотняной шапочке и белом врачебном комбинезоне. Она возникла, словно фрагмент кошмара: выбившиеся из-под шапочки белые волосы, усталое розовое лицо, один глаз выше другого и безжалостная походка, равнодушный топот, словно за долгие годы акушерства она растратила все свои запасы сочувствия и теперь для нее все это — просто привычная, будничная работа.

— Заходите, — распорядилась она.

Майклу велели остаться в приемной, словно он не имел никакого отношения к происходящему, а Мелисса неохотно последовала за седой ведьмой. Та протопала по коридору в палату и оставила ее там, за бледно-голубой занавеской возле каталки, алюминиевой раковины и аппарата с проводками.

— Скоро к вам кто-нибудь подойдет, — сказала акушерка и ушла.

«Скоро» растянулось на пять минут, потом на десять. Между тем *ощущения* нарастали. В коридоре две чрезвычайно расслабленные женщины переговаривались друг с другом.

— Кто-нибудь придет? — спросила у них Мелисса. — Хоть кто-нибудь? Мне сказали, что сейчас кто-нибудь придет, но никто не пришел. У меня схватки.

Обе санитарки родильной палаты явно привыкли к подобному бессвязному бормотанию, к подобной тревожности.

Вдвоем они стали гадать, кто же должен прийти. Обе скучали, обеим возмущенным продолжательницам давней традиции пополнять штат государственных больниц за счет иммигрантов с Карибских островов слишком мало платили.

— Сегодня большая загруженность, — сообщила одна. — Скоро к вам кто-нибудь подойдет, не волнуйтесь.

Мелисса вернулась в свой угол, где обнаружила, что *ощущения* кажутся слабее, если склоняться над каталкой и сжимать голову ладонями, когда накатывает очередная волна. Всплески делались все мощнее, все труднее было удерживаться на гребне. Прошло еще десять минут, и наконец чья-то рука плавно отвела занавеску, и появилась женщина в голубом халате — симпатичная и с добрым лицом.

— Здравствуйте, — ласково произнесла она. — Меня зовут Памела. Как вы тут?

Вопрос прозвучал довольно нелепо. Мелисса повторила, что хочет домой. Памела улыбнулась, подтащила аппарат с проводами и принялась их распутывать.

— Ну, давайте сначала проверим, безопасно ли это для вас — отправиться домой, — проговорила она и посмотрела в свою папочку. — О-о. У вас ВРПКС. Думаю, вряд ли вы сможете отправиться домой, если у вас ВРПКС. Это опасно.

Она измерила раскрытие: всего полтора сантиметра. Значит, это правда, подумала Мелисса. Снова будет как с Макдуфом. Ей хотелось плакать.

— Просто ложитесь на спинку, — попросила Памела.

Она подняла концы проводов и взяла резиновые присоски, с помощью которых отслеживают волны. Лечь — это было хуже всего. Лежать на спине, пока волны яростно проносятся вверх и вниз по твоему телу. Но Памела настаивала, и Мелисса позволила прикрепить резиновые присоски к животу, когда начался очередной всплеск. Волны все убыстрялись и убыстрялись. Мелисса напряглась и постаралась быть

земной матерью, но теперь это стало почти невозможно, особенно в таком положении. Памела сказала, что скоро вернется, и какое-то время Мелисса просто лежала, а волны все накатывали и отступали, устраивая целые представления, радуясь новой горизонтальной стадии, распевая торжественные гимны, закручиваясь в воронки и образуя глубинные течения. На это время она и думать забыла о чувствах детеныша. Земные матери вспыхнули и сгорели. Нахлынула гигантская волна, приноровиться к которой Мелиссе не удалось, так что она слезла с каталки и принялась сдирать провода с живота. Тут снова появилась Памела.

— Что вы делаете?

— Я ухожу домой. Всё. Хватит. Это невыносимо.

— Послушайте, но почему вам так хочется домой? — спросила Памела. — Большинство женщин так трудно отправить домой, они хотят подольше оставаться в больнице, где безопасно. А вы вот хотите уйти. Почему?

— Потому что мне там *комфортнее*. Пожалуйста, просто снимите с меня эту штуку!

Мелисса дернула за провода и чуть не опрокинула аппарат. Снова пришли *ощущения*, и она со стоном наклонилась вперед. И вот тогда Памела посуровела. Она уже не была ласковой. Она обрушилась на Мелиссу со строгой, властной твердостью.

— Слушайте, — произнесла она, — давайте-ка я вам кое-что объясню. Вам опасно сейчас ехать домой, потому что у вас может произойти разрыв, и тогда вы истечете кровью и умрете. Вы понимаете, что я вам говорю? Мы не сможем вас спасти, если что-нибудь случится. К нам тут на прошлой неделе поступила женщина — у нее произошел разрыв прямо в приемной. Дома она бы, скорее всего, умерла. У другой женщины случился разрыв, когда она была дома, и умер ребенок. Да-да. Но если вы правда хотите домой, я

могу вас сейчас же выписать — если вы и правда этого хотите. Я бы настоятельно рекомендовала, чтобы вы остались здесь. Но решать вам.

В свете новых аргументов Мелисса покорилась. Она отказалась от мечты о постепенном раскрытии в их кособоком домике. Следующую ночь она провела в сумрачном омуте предродовой койки, окруженной занавесками, делая долгие вдохи из цилиндра с газом и воздухом и отчаянно цепляясь за шею Майкла. Как она нуждалась в нем тогда. Как любила его. Он был весь сила и спасение. С теплой грудью, крепкий, высокий. Снова и снова, дыша лекарственными парами, она твердила ему, что любит его, — твердила опьяненно, настойчиво — только это она осознавала отчетливее всего. К четырем утра она окончательно распрощалась с мыслями о ВРПКС. Она хотела, чтобы ее разрезали. Апофеоз женственности сделался неинтересен, и немного позже ее на каталке ввезли в операционную.

Майкл шагал рядом с ней в голубом больничном комбинезоне, среди целого моря ассистентов. Все были в зеленых шапочках.

В операционной воздвигли временную ширму между почти-матерью и ее животом — чтобы она ничего не видела. Ей было видно, лишь как мелькают острые кончики инструментов.

Щелканье и звяканье скальпелей и ножниц. Серебристые лезвия, сверкнув под ярким светом, делают надрез.

И вот — ребенок, внезапно поднятый чьей-то рукой, словно мокрый мешочек.

— Большой мальчик, — заметил кто-то.

Майкл поднес его поближе, чтобы Мелисса могла посмотреть. Крошечное личико, обернутое белым. Сладенькое бежевое личико. Под одеяльцем он оказался ярко-розовый и желтоватый, розовее всего — в ямке между лопатками, желтее

всего — на подошвах ступней, длинных, с длинными пальцами, один из которых завернулся внутрь от тесноты в последние месяцы. Кривоватые и косолапые ножки. А еще — длинные руки, извивающиеся, танцующие, словно задуманные как крылья. Глянцевитые черные волосы с золотистой прядкой на затылке, прямо над шеей. Темно-синие глаза, плавно скользящие туда-сюда, словно хрустальные шарики. Беспокойный взгляд. Рот шестиугольником — когда плачет. Ее отпрыск, ее продолжение. Она посмотрела на него, и исчезло все, кроме любви.

Они повезли его домой воскресным утром. Над Камберуэллом стелился беззвучный и серый день. Обрывки туч тянулись на запад. Воздух шелковился на щеках, и Мелисса заплакала прямо на широких ступенях больницы, потому что поняла: вот та жизнь, которой она отныне будет жить, — этот мужчина, этот мальчик, эта девочка, — и теперь уже ничего существенно не изменится. А еще потому, что она принесла это новое дыхание, это маленькое сердце в такое большое и опасное место. Они отвезли младенца в свой домик на Парадайз-роу. На стене в главной спальне Мелисса повесила красное деревянное сердечко, а под ним стояла люлька. С младенцем. Затем последовали две недели, полные того особенного волшебства, которое окружает новорожденного. Две потусторонние недели, когда сам воздух поет колыбельные, и вы всё смотрите и смотрите на складочки и гримаски этого маленького лица и вместе засыпаете вокруг вашего спящего детеныша, словно причудливые завитушки, словно скрипичный ключ.

— Мне кажется, началась новая стадия моей жизни, — призналась она Майклу, стоя у окна.

— Да, понимаю, — отозвался он.

На следующей неделе из пьесы изъяли одного из ключевых героев — Майкл вышел на работу.